

УДК 811.11

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛИРИКЕ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Ю.Г. Тимралиева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Рассматриваются способы деформации субъектного и объектного начал в лирике немецкого экспрессионизма, анализируется их роль в отражении ключевых противоречий эпохи.

***Ключевые слова:** экспрессионизм, субъект, объект, деформация, персонификация, мистификация, метонимическая трансформация.*

Экспрессионизм как направление в литературе и искусстве переживает свой расцвет во втором десятилетии XX века и из всех современных ему течений наиболее остро реагирует на социальные потрясения и противоречия своего времени. Экспрессионисты пытаются осмыслить разрушение традиционной картины мира и связанный с ним общий кризис сознания. Одной из ключевых антитез экспрессионизма становится противопоставление живой и неживой природы в эпоху зарождения машинной цивилизации; одна из ключевых проблем, поднимаемой экспрессионизмом, – потеря свободы и индивидуальности, «порабощение», «омассовление», «околлективнивание», «обезличивание», «обездушивание», «овеществление» людей в условиях технического преобразования мира и построения общества потребления с новыми ролями и отношениями, основанными не на духовном, а на материальном [3: 86].

В экспрессионизме эта тема активно прорабатывается во всех без исключения литературных жанрах: и в лирике, и в прозе, и в драматургии. Яркой иллюстрацией является и масштабная научно-фантастическая антиутопия Ф. Ланга «Metropolis», ставшая высшей точкой и завершением развития немецкого киноэкспрессионизма.

В фокусе экспрессионистской поэтики оказывается триада «человек–природа–цивилизация». Экспрессионизм активно осмысляет субъектно-объектные отношения, прежде всего отношения между человеком и окружающим его миром, между живой и неживой природой, их взаимообусловленность и взаимотрансформацию. Неотъемлемыми атрибутами экспрессионистской поэтики становятся субъективация объекта и объективация субъекта, находящие свое выражение на всех уровнях языковой структуры: как в семантике слов и смысловом наполнении образов, так и в грамматическом строе произведений.

Субъективация объекта в экспрессионизме осуществляется, в первую очередь, за счёт его персонификации: олицетворение становится одной из ключевых форм метафоризации, особенно в лирике. Следует отметить, что в экспрессионизме одинаково часто олицетворяются предметы и явления как живого мира (природы), так и неживого.

«Очеловеченная» природа изображается в экспрессионистских текстах двойко. С одной стороны, она «втягивается» в человеческую катастрофу. Обь-

екты живой природы, подобно человеку, противостоят цивилизации, переживая (вместе с человеком или вместо него) боль, печаль, уныние, отчаяние, страх, гибнут под её натиском:

...Wo nur ein Baum sich wand unter Schmerz... (Heym, "Hora Mortis")
In Nelkendüften weint der Abendwind. (Trakl, "Delirium")
Der Wind wehte krank durch die Gassen. (Lasker-Schüler, "Nachweh")
Die Gräser erstarren zu grünem Metall. (Klemm, "Schlacht an der Marne")

С другой стороны, природа нередко становится враждебной по отношению к субъекту (человеку), демонстрируя различные степени отчуждения вплоть до прямой угрозы:

Die Sonne wütete in ihrem Haar... (Benn, "Negerbraut")
Die Steine feinden... (Stramm, "Patrouille")
Schwarzblau der Alpen, und der kahlen Flur./ Die Süd Sturm drohn. (Heym, "Marengo")

Что касается объектов неживой природы, символизирующих цивилизацию, – как отдельных предметов, так и целых городов, как конкретных, так и абстрактных существительных – они не просто олицетворяются, но мистифицируются, демонизируются:

Langsam beginnen die Steine sich zu bewegen und zu reden. (Klemm, "Schlacht an der Marne")
In der Dämmerung steht er, groß und unbekannt./ Und den Mond zerdrückt er in der schwarzer Hand .../ Auf den Bergen hebt er schon zu tanzen an./ Und er schreit: Ihr Krieger alle, auf und an! (Heym, "Der Krieg")

Оживляя предметы и явления неживого мира, наполняя окружающую человека реальность разного рода признаками, экспрессионисты пытаются показать разрушающую силу цивилизации. Особенно явно эта тенденция прослеживается в урбанистической лирике. Город, воспринимаемый экспрессионистами как «магическая сцена человеческой трагедии» [7: 64], предстаёт перед читателем полным ужасов и апокалипсических предзнаменований. Именно город становится символом новой цивилизации: здесь человек максимально отдален от своих корней, здесь концентрируются демонические силы, «здесь античеловеческое выступает как система, здесь бессилие человека становится очевидным в полной мере» [цит. раб.: 38]:

Sie wandern durch die Nacht der Städte hin./ Die schwarz sich ducken unter ihrem Fuß./ Wie Schifferbärte stehen um ihr Kinn.../ Ihr langer Schatten schwankt im Häusermeer... (Heym, "Die Dämonen der Städte")

Как правило, подобные «демонизирующие метафоры» [7], особенно часто выступающие в творчестве Г. Гейма, возникают в результате совмещения олицетворения с гиперболой: *... dumpfes Abendrot./ In dem ein Kran mit Riesenarmen dräut./ Mit schwarzer Stirn, ein mächtiger Tyrann./ Ein Moloch...* (Heym, "Ophelia"). Гиперболы в целом играют в экспрессионизме важную роль, выступая неотъемлемым атрибутом фантастически-гротескного повествования: создаваемая экспрессионистами реальность намеренно утрируется, в результате чего изображаемые картины становятся воистину апокалипсическими. В целях гиперболизации действительности экспрессионисты чаще

всего используют существительные с семантикой преувеличения, количественные числительные, местоимения *alle*, *ganz-*, превосходные степени прилагательных и наречий:

Doch die Dämonen wachsen riesengross. (Heym, „Die Dämonen der Städte”)
Ein ungeheures Bangen/ Beengt den Tag. (Heym, „Marengo“)
Wie Korybanten-Tanz dröhnt die Musik/ Der Millionen durch die Strassen laut. (Heym, „Der Gott der Stadt”)
Aus allen Winkeln gellen Fürchte Wollen... (Stramm, „Sturmangriff”)
Die ganze Welt ist nur ein enger, nachtumschierter Minengang... (Stadler, „Fahrt über die Kölner Rheinbrücke bei Nacht”)
Die meisten Menschen haben einen Schnupfen (J.van Hoddis, „Weltende”).

Мистификация окружающей действительности достигается и при помощи отглагольных существительных типа *Gelaufe*, *Gelächter*, *Gekreisch*, *Gebrüll*, *Bewegung*, *Gedränge*, *Gang*, *Schrei*, популярных в экспрессионистских текстах. В предложениях с подобным синтаксическим субъектом мы получаем абсолютное действие, независимое от деятеля, а сам деятель (причина, первоисточник данного действия) становится ненужным / несущественным. Окружающий мир начинает жить и действовать самостоятельно. «Нечто» непонятное, таинственное «плачет», «стонет», «растёт» независимо от кого-либо, чего-либо. Это «нечто» вселяет неуверенность и страх, от него исходит угроза для человека, бессильного что-либо предпринять, поскольку он не может угадать причины происходящего, распознать источник своих бед: ... *Das Brüllen pflanzt sich weit,/ Dass alle Mauern von dem Lärme beben* (Heym, „Die Irren”).

Аналогичный эффект достигается в случаях персонификации существительных, обозначающих признаки и состояния, с той лишь разницей, что первичным, независимым от субъекта, самим субъектом становится не действие, а признак / состояние: ... *Plötzlich schreit der Wahnsinn auf* (Heym, „Die Irren”); ... *doch lose schreiten die Einsamkeiten...* (Wolfenstein, „Im Bestienhaus“).

Подобные мистификации распространяются на широкую палитру свойств, однако абсолютным лидером здесь становится семантическая группа прилагательных, обозначающих цвет:

Vorm Fenster tönendes Grün und Rot. (Trakl, „Die Bauern”)
Die Hände bängen blass um krampfes Grauen... (Stramm, „Abendgang“)
Ein Rot schwärmt auf. (Benn, „Untergrundbahn“)

Итак, если объекты окружающей действительности, а также действия, признаки, состояния в экспрессионизме субъективируются, то субъекты (люди), напротив, нередко объективируются. Эта объективация связана с деформацией субъектного начала и осуществляется в экспрессионистских текстах различными способами:

- через понижение биологического статуса / овеществление субъекта;
- через неполноценность / неполнооформленность субъекта;
- через снятие границ между отдельным субъектом и его окружением.

В первом случае субъект уподобляется животным либо предметам неживой природы, что находит адекватное эксплицитное выражение в ярких сравнениях и метафорах:

Die Menschen rinnen über den Asphalt, / Ameisenemsig, wie Eidechsen flink. (Boldt, „Auf der Terrasse des Cafe Josty“)
Wo Mensch-Ameise schwirrt ... (Becher, „An Berlin“)
...er rührt sie kaum die langen Affenarme ... (Huelsenbeck, „Der Idiot“)
Manchmal wäscht sie die Schwester. Wie man Bänke wäscht. (Benn, „Mann und Frau gehen durch die Krebsbaracke“)
Die Krone der Schöpfung, das Schwein, der Mensch -:/ geht doch mit anderen Tieren um! (Benn, „Der Arzt“)

Во втором случае деформация субъектного начала связана с выбором самих субъектов и их представлением читателю. Типичными героями экспрессионистских текстов становятся «неполноценные» субъекты, ущербные в силу своего физического или психосоматического состояния, положения или социального статуса. Это люди, «по той или иной причине вытолкнутые из жизни» [7: 21], «личности на грани» [1: 543]: пленные, нищие, бродяги, проститутки, преступники всех мастей, калеки, больные, сумасшедшие.

Die Närrin weint mit offnem Haar/ Am Fenster, das vergittert starrt.../ Der Mörder lächelt bleich im Wein./ Die Kranken Todesgrausen packt.../ Im Hurenhaus Gelächter klingt... (Trakl, „Romanze zur Nacht“)
Die ärmsten Frauen von Berlin/ dreizehn Kinder in anderthalb Zimmern,/ Huren, Gefangene, Ausgestoßene... (Benn, „Saal der kreißenden Frauen“)

Следует отметить, что эти новые с точки зрения их социального положения, физического и психического состояния герои по сути достаточно традиционны в немецкой литературе. Это:

«... люди не от мира сего», самим своим существованием бросающие вызов той общественной действительности, в которой они живут. Эти герои вне времени и пространства, выступающие ранее в готике, барокко, течении Бури и Натиска, романтизме, естественным образом вошли в экспрессионизм, поскольку само «искусство экспрессионизма вытекает из экспрессии мироощущения, выразителем которой стал герой вне времени: экспрессивный человек» [6: 11].

Итак, разного рода маргиналы наполняют лирику экспрессионизма, однако ключевой фигурой здесь, бесспорно, становится мертвец. В первую очередь, он олицетворяет собой поработенных цивилизацией, забывших об истинных ценностях людей эпохи власти денег, а смерть как ключевая метафора экспрессионизма означает не что иное как «опустошение разума и сердца людей, самоотчуждение человеческого бытия в повседневной реальности исторического процесса...» [5: 247]. В этом смысле строки Г. Гейма могут служить эпиграфом экспрессионизма: *Nur für die Toten ist jetzt gute Zeit* (Heym, „November“).

Другой образ, редкий в прочих литературных течениях, но чрезвычайно популярный в экспрессионизме – сумасшедший – становится:

«... контрастной фигурой по отношению к презираемому экспрессионистами обывателю, его сытости и нормальности; он являет собой олицетворенное отрицание его (обывателя) теоретического и практического сознания. Тем, как сумасшедший выплескивает свои аффективные эмоции, он не только провоцирует цивилизованные институты, но и разбивает опосредованные ими взгляды, ценности и нормы патриархального предвоенного общества» [4: 74].

Неполноценная субъектность героя, основанная на его социальной и/или биологической ущербности, в экспрессионизме активно поддерживается его неполнооформленностью. Это выражается в дефицитном (фрагментарном) представлении субъекта: герой в экспрессионизме, как правило, подвергается деконструкции, распадается на элементы и аксессуары, замещается ими: ... *Aber hinter winkt/ Ein schlankes blaues Kleid, das fern versinkt/ Und wieder auftaucht, und sich fern verliert* (Heym, „Eifersucht“). В этой связи необычайно популярными становятся слова, обозначающие части человеческого тела / человеческие органы. Кочуя из стихотворения в стихотворение, они становятся неотъемлемой частью экспрессионистских текстов. Вне зависимости от темы и субъекта редкое стихотворение экспрессионистской лирики обходится без лексических единиц данного семантического поля [2: 134].

Mit einer Stirn, die Traum und Angst zerfraßen,/ Mit einem Körper, der verzweifelt hängt.../ - So läuft er durch die langen Großstadtstraßen (Blass, „Der Nervenschwache“). *Er treibt durch die Strassen voller Ruh.../ Die Arme weit, die weissen Augen zu.* (Becher, „Mensch im Abend“)

Если при изображении объектов неживого мира использование подобной лексики приводит к их субъективации (персонификации, мистификации), то при изображении людей скорее к десубъективации последних, поскольку перед читателем появляется не цельный фотографический образ, а некий условный пазл, представляющий собой совокупность разрозненных, местами деформированных фрагментов, выхваченных из некогда целостной картины мира. Налицо отчуждение, деконструкция, деперсонализация. Особенно остро это ощущается в стихах о мертвецах, подвергаемых реальному физическому разложению / расчленению:

Auf jedem Tisch zwei. Männer und Weiber/ Kreuzweiss. Nah, nackt, und dennoch ohne Qual./ Den Schädel auf. Die Brust entzwei. Die Leiber/ gebären nun ihr allerletztes Mal. (Benn, „Requiem“)

Als ihr bleicher Leib im Wasser verfaulet war/ Geschah es (sehr langsam), dass Gott sie allmählich vergaß/ Erst ihr Gesicht, dann die Hände und ganz zuletzt erst ihr Haar. (Brecht, „Vom ertrunkenen Mädchen“)

Метонимическая трансформация становится ключевым способом представления субъекта, замещаемого фрагментами собственного тела и/или внешнего мира. Так, в стихотворении Г. Бенна «Nachtcafé» музыканты, работающие в кафе, замещаются музыкальными инструментами, а посетители кафе представляются через малопривлекательные детали внешности / болезни:

Das Cello trinkt rasch mal. Die Flöte/ rülpst tief drei Takte lang: das schöne Abendbrot./ Die Trommel liest den Kriminalroman zu Ende./ Grüne Zähne, Pickel im Gesicht/ winkt einer Lidrandentzündung./ Fett im Haar/ spricht zu offenem Mund mit Rachenmantel/ Glaube Liebe Hoffnung um den Hals/ Junger Kropf ist Sattelnase gut./ Er bezahlt für sie drei Biere./ Bartflechte kauft Nelken./ Doppelkinn zu erweichen... (Benn, „Nachtcafé“)

С помощью метонимии реализуется и такая разновидность субъектной деформации, как размывание границ между субъектом и окружающим его миром и между различными субъектами. Это вполне укладывается в логику экспрессионистского мироощущения, поскольку в экспрессионизме речь идет

не только о потере человеком духовности, но и о потере им индивидуальности. В новой реальности человек перестаёт восприниматься как личность, он становится частью некоей массы (толпы), винтиком в гигантском чреве молота. В этой связи характерными становятся формы множественного числа, а также метонимические переносы с части на целое:

Stirne und Hände, von Gedanken blink./ Schwimmen wie Sonnenlicht durch dunklen Wald. (Boldt, „Auf der Terrasse des Cafés Josty“)
Tausend Lippen wurden vom Fluchen blass/ Tausend Hände ballten sich wild im Hass. (Brecht, „Moderne Legende“)

Таким образом, метонимия становится в экспрессионистской лирике ключевым средством деформации субъектного начала: дефицитное представление субъекта осуществляется либо через собственные части (*pars pro toto*), либо через фрагменты окружающего мира, либо через некое множество / коллектив (*toto pro pars*). При этом речь идёт как о буквальном физическом расчленении / разложении человеческого тела, так и о художественной деформации, низведении человека до животного / вещи / детали.

Сдвиг в субъектно-объектных отношениях выявляет и синтаксический анализ текстов. Характерным для экспрессионизма становится синтаксическое равноправие субъектов и объектов окружающей действительности, проявляющееся в предпочтении сочинительной связи, в равно частом использовании в роли подлежащего как субъектов, так и объектов окружающего мира:

Ein grauer Clown zieht sich die Stiefel an./ Ein Kinderwagen schreit und Hunde fluchen. (Lichtenstein, „Die Dämmerung“).

Наряду с этим частотны случаи смены синтаксических ролей, когда в качестве синтаксического субъекта в предложении выступают предметы неживого мира, а человек, субъект реальной действительности, – в роли синтаксического объекта, испытывающего воздействие со стороны предметов и призраков:

Der Hunger warf Gerippe auf mich hin.../ Die Leichenzüge gingen auf mir her... (Heym, „Die Stadt der Qual“). *Ein Rot, das traumhaft dich erschüttert...* (Trakl, „Kleines Konzert“).

Таким образом, границы между живым и неживым миром, между конкретным и абстрактным, между реальным и нереальным в экспрессионизме размываются. В борьбе с цивилизацией живой мир явно проигрывает: природа сдаётся под натиском технического прогресса; человек теряет свою свободу, становится заложником мира вещей / толпы, уподобляется сначала животным, а затем и предметам неживого мира, овеществляется, в то время как мир вещей вокруг него оживает, очеловечивается, демонизируется. Материальное торжествует над духовным, неживое над живым, толпа над личностью.

В языке это находит адекватное выражение в ярких сравнениях и метафорах, гиперболах и метонимических переносах, синтаксическом равноправии субъектов и объектов реальной действительности при перечислении и параллелизме, а также смене синтаксических ролей.

Список литературы

1. Павлова Н.С. Экспрессионизм. // История немецкой литературы: в пяти томах. М.: Наука, 1968. Т.4 (1848– 1918). С. 536– 564.
2. Тимралиева Ю.Г. Фрагментарность как принцип художественного освоения реальности и его художественные экспликации в лирике немецкого экспрессионизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 24. С. 132–138.
3. Тимралиева Ю.Г. Лирика немецкого экспрессионизма в контексте европейского модернизма // Известия СПбГУЭФ. 2014. № 4. С.83– 89
4. Bekes, P. Einleitung und Nachwort // Gedichte des Expressionismus. Stuttgart: Philipp Reclam, 1991. S. 7– 17, 65– 78.
5. Mautz K. Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus. Die Dichtung Georg Heyms. Frankfurt-am-Main, Bonn, 1961. 387 S.
6. Schneider, F.J. Der expressive Mensch und Lyrik der Gegenwart. Stuttgart, 1927. 116 S.
7. Schneider, K.L. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls und E. Stadlers. Heidelberg, 1961. 184 S.

SPECIFIC CHARACTER OF THE SUBJEKT-OBJEKT RELATIONS IN THE LYRICS OF GERMAN EXPRESSIONISM

J. Timralieva

St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg

The article reviews the ways of deformation of subjects and objects in the lyrics of German Expressionism and analysis their role in the representation of key conflicts of the time.

Keywords: *expressionism, subject, object, deformation, personification, mystification, metonymic transformation.*

Об авторе

ТИМРАЛИЕВА Юлия Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, e-mail: juliati@yandex.ru